

Леонид Николаевич Майков и его собрание заговоров

Талантливыми бывают не только люди, но и семьи. Леонид Николаевич Майков из такой семьи. Его отец, Николай Аполлонович, майор гусарского принца Оранского полка, выйдя в отставку, занялся живописью и был удостоен звания академика за написанный им запрестольный образ в церкви св.Троицы лейб-гвардии Измайловского полка.

Старшие братья Леонида хорошо известны в истории русской литературы: Апполон — как поэт, Валериан — литературный критик. В семье царил культ литературы, искусства, науки. Дом Майковых всегда был полон людьми, являвшими собой цвет русской культуры. Известный писатель И.А.Гончаров, преподававший братьям литературу, писал: «Это семейство кипело жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли, науки, искусств. Сам хозяин, Николай Апполонович радовался до слез всякому успеху и всех, не говоря уже о друзьях, в сфере интеллектуального и артистического труда, всякому движению вперед во всем, что доступно было уму и образованию».

Леонид получил прекрасное домашнее образование, обучался в известном в те времена пансионе Сюзора, затем закончил 2-ю Петербургскую гимназию и, наконец, в 1860 г. — историко-филологический факультет С.-Петербургского Университета. И здесь ему повезло. После длительного застоя, университетская жизнь с воцарением императора Александра Николаевича оживилась. Леонид Майков участвовал в создании первых «Студентских сборников», в которых делали свои первые шаги будущие крупнейшие историки, литературоведы, фольклористы России. Вместе со студенческими годами закончилась светлая полоса жизни.

После университета Л.Майков был определен в Министерство финансов по департаменту внешней торговли. Службой тяготился. Его влекла литература, но жизненные обстоятельства не позволяли оставить государственную

службу. С 1864 по 1882 год служил в центральном статистическом комитете, участвовал в переписи жителей С.-Петербурга 1869 г. Своего рода отдушиной в эти годы стало редактирование журнала Министерства народного просвещения, который благодаря Л.Н.Майкову превратился в один из лучших историко-литературных журналов.

Издательский талант Майкова окреп на посту председателя этнографического отделения Императорского Русского Географического Общества. Он редактирует шесть томов (II, III, VII, IX, X, XI) «Записок Имп. Рус. Геогр. Об-ва по отделению этнографии», каждый из которых становился событием в культурной жизни России. Во втором томе «Записок» появились «Великорусские заклинания».

Появление этого сборника объясняется не только внешними обстоятельствами, о которых Майков пишет в предисловии к сборнику, но и глубинными причинами. Дело в том, что по своему складу Майков был прежде всего бытописателем. И чем бы он ни занимался, его интересовал бытовой контекст. В этом отношении очень показательны его литературоведческие разыскания. Творчество Симеона Полоцкого, Тредьяковского, Сумарокова, Ломоносова, Державина, Батюшкова, Пушкина рассматривалось им главным образом сквозь призму судеб этих писателей, их личных отношений с другими людьми. Можно сказать, что Майков в литературоведении был этнографом и психологом.

В области фольклора главной точкой пересечения этнографического и психологического являются, пожалуй, заговоры.

Отдельные тексты и небольшие собрания заговоров, на которые Майков указывает в «Предисловии», издавались и до появления «Великорусских заклинаний». Долгое время существовала рукописная традиция: заговоры непременно включались в многочисленные рукописные «Лечебники» и «Травники». Однако наиболее полным и до сих пор, пожалуй, наиболее авторитетным собранием текстов этого жанра является сборник Майкова. Не пояись этого сборника, многие тексты (и прежде всего архивные

материалы) оказались бы безвозвратно утраченными. Лишь с изданием этого сборника появилась возможность научного изучения заговоров.

Собственно, основы научного подхода заложены самим Майковым при составлении сборника. Ему принадлежит применяемая и в настоящее время классификация заговоров: любовные, лечебные, промысловые и др., с выделением подтипов (например, среди любовных заговоров выделяются присушки и отсушки). Любопытно, что менее «прагматические» классификации заговоров так и не прижились в научной традиции. И на это есть свои причины. Одно из основных отличий заговоров от других фольклорных текстов, видимо, состоит в их подчеркнутой ориентированности на практический результат.

Для заговоров особенно важным является неизменность их воспроизведения. Эта особенность стала для Майкова главным текстологическим принципом. Он прекрасно понимал, что встречающаяся в заговорах «бессмыслица» принципиально отличается от бессмыслицы в других текстах и не пытался ее исправлять. Многочисленные наблюдения над восприятием заговоров и сходных ритуальных текстов убедительно показывают, что их «непонятность» лишь усиливает психотерапевтический эффект, придает им в глазах участников обряда особую силу.

Свою задачу Майков видел в том, чтобы показать тематическое разнообразие заговоров, сохранить их для будущих поколений исследователей и с блеском выполнил эту задачу.

Заговорное слово — не просто слово, но слово-дело. Оно наполнено энергией, которая рано или поздно найдет свой выход. Например, по одному из поверий, произнесенное вслух проклятье семь лет носится в воздухе и в любой момент может пасть на того, против кого оно направлено.

Заговор представляет единое целое с обрядом и, собственно, является таковым. Более того, произнесение заговора является обрядовым *действием*.

Для обеспечения «силы» он должен произноситься в строго определенном месте (на межах, границах, порогах),

в особое время (на стыке дня и ночи, на заре) и не иначе как шепотом. Поэтому во многих местах знахарей называли шептунами.

Вместе с тем заговор занимает совершенно особое место в фольклорно-обрядовом пространстве. В отличие от других фольклорных жанров и обрядов он имеет *индивидуальный*, а не коллективный характер. Уже само по себе введение в текст *имя рек* (имени конкретного «заказчика») ориентирует заговор на строго индивидуальную ситуацию (которая на самом деле оказывается довольно типичной)*. По степени потаенности и даже некоторой интимности заговор может быть сравним лишь с исповедью.

При всем разнообразии, заговоры в большинстве случаев состоят из стандартных формул. Обычно заговоры начинаются с молитвенного введения: «Во имя Отца и Сына и Святого духа...» После этого следует зачин: «Встану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми...»

Образ пути и движения по этому пути является наиболее «разработанным» образом заговора и это не случайно, т.к. это не просто дорога в никуда, но кратчайший и наиболее действенный способ ликвидации недостачи. Конечная точка путешествия — «бел-горюч камень» или «камень Алатырь». Вокруг него и разворачиваются основные события.

Действующими лицами являются персонажи языческого и христианского пантеонов, герои фольклорных произведений. Здесь Бог и Богородица встречаются с языческим Велесом и былинным Ильей Муромцем. Заговор переполнен именами. Их набор на первый взгляд совершенно произвольный. Но как показал В.Н.Топоров, за этой кажущейся произвольностью кроется непростой выбор. Основная цель заключается в соотнесении имени конкретного заказчика (имярек) с именами «святой» или

* Топоров В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: заговор. М., 1993. С.4 и далее.

«бесовской» рати. Персонажи, кроющиеся за этими именами, в свое время уже прошли тем путем, на который становится страждущий имярек и знают, как решить поставленную задачу. Поэтому правильный выбор имен для данного конкретного случая имеет первостепенное значение*.

Далее следует перечень болезней или частей тела, откуда их следует изгнать. Для понимания заговоров очень важно знать систему мифологических соответствий между частями человеческого тела и элементами природного окружения. Плоть человека соответствует земле, кровь — воде, волосы — растениям (траве), кости и зубы — камню, глаза — солнцу, уши — сторонам света, дыхание (душа) — ветру, голова — небу и т.д.

В заговоре человек как бы «разбирается» на части, затем проверяется «правильность» его устройства через отождествление с элементами окружающего мира и, наконец, «собирается». Кстати, принципиально аналогичная схема присуща всем обрядам, посвященным обновлению (приданию нового статуса) человека и вселенной.

Болезнь, как правило, мыслится в виде живого существа, вселившегося в человека. В заговоре она переводится на другой (неживой) объект или отсылается в пустынное место «за мхи, за болота».

Заканчивается заговор закрепкой вроде: «Буди мое слово крепко и лепко. Ключ и замок словам моим... Аминь!»

Сказанное о структуре заговора не означает, что он просто монтируется из готовых формул. Несмотря на свою крайнюю зарегулированность, заговор имеет определенный «люфт», за счет которого возможна импровизация, которая максимально проявляется в стыках между формульными сегментами текста

Одна из древнейших форм заговора — диалог. Характерный пример — заговор от зубной боли (см. №62 и далее). В таких заговорах четко проводится принцип

* Топоров В.Н. Указ. соч., с.80-103

аналогии: «как у месяца (у мертвеца) не болят зубы..., так и у раба Божьего...» Но и в тех случаях, когда диалог формально не выражен, заговор имеет отчетливую коммуникативную направленность в сферу иного, нечеловеческого. Причем в этом общении знахарь (или колдун) выступает не в роли просителя (что характерно, например, для общения человека с Богом посредством молитвы), но как равноправный партнер, берущий инициативу в свои руки. Впрочем, позиции знахаря и колдуна имели существенные отличия.

Заговоры ассоциировались с особым знанием, существовавшим в двух вариантах: позитивном и негативном. Вероятно, можно говорить о том, что существовали представления о двух типах знания. Носителем положительного («чистого», «белого») знания был знахарь. Носителем отрицательного («дьявольского», «черного») знания был колдун.

Действия знахаря направлены во благо людей и в первую очередь — на восстановление их здоровья, как физического, так и психического. Собственно, знахарь в русской деревне — это прежде всего лекарь. Действует он открыто и не приступает к делу без креста и молитвы. В помощь себе призывает Бога и святых угодников. Для излечения, «выведения порчи» пользуется травами, настояями и «святым словом». Свои знания передает тем, кого считает достойным.

Иное дело — колдун. Он еще при жизни заключает с нечистой силой своего рода договор: пока он жив, нечисть служит ему и во всем повинуется, но после смерти его душа принадлежит дьяволу. Прислуживающие колдуну черти, ведьмы и вампиры с особой охотой выполняют те поручения, которые так или иначе наносят вред людям. Поэтому колдун всегда несет с собой зло. Он порывает с церковью, для чего совершает какое-либо особенное кощунство. Например, во время причащения не проглатывает святых тайн, держит их во рту, а затем, на перекрестке, устроив их на придорожный крест, стреляет в них. Существует много рассказов о том, что те, кто стрелял в св. Причастие, превращались в диких зверей,

либо сходили с ума. Для облегчения предсмертных мук колдуна, не сумевшего найти себе преемника, поднимали часть крыши. После смерти колдуна его тело съедают черти, оставляя лишь кожу. В эту кожу влезает один из чертей, выходит в ней из могилы и всячески вредит людям. Для того, чтобы этого не случилось, в тело умершего, подозреваемого в колдовстве, вбивали осиновый кол.

Колдуны тоже пользовались заговорами, но это особые, так называемые черные заговоры, связанные с черной (бесовской) магией. В них болезни, несчастья и другие беды не отсылаются от человека, а, наоборот, направляются на него. Черные заговоры обычно содержат длинные перечни болезней, мест их обитания, демонов, их насылающих. В них все как бы вывернуто наизнанку, рисуется картина «антимира»: «Не встану, не пойду, не дверьми, а в подворотню, тараканьими тропами...» В помощь призываются не святые, а нечистая сила. Более того, в заговоре колдун подтверждает свое отречение от всего христианского, от отца-матери, от белого света и в очередной раз заверяет в дружбе сатану, ибо в этой дружбе — залог успеха в осуществлении злых намерений.

И знахари и колдуны были твердо уверены, что заговор, рассказанный непосвященному человеку, теряет силу. Такое отношение носителей заговоров к своему знанию неизбежно привело к тому, что многие тексты и сопровождающие их обряды безнадежно утрачены. Не способствовали сохранности заговоров и естественные искажения при устной передаче заговоров от учителя к ученику. И все же стараниями многих фольклористов и этнографов, среди которых особое место занимает Л.Н.Майков, удалось сохранить уникальное по своему богатству собрание образцов русского заговорного искусства.

Примечания

При подготовке настоящего издания сохранены все основные особенности первого издания. Изменения коснулись главным образом орфографии, которая приближена к современным нормам. Приведен в соответствие с современными правилами справочный аппарат. Источники, на которые ссылается Майков, сведены в единую библиографию, основанную на алфавитном принципе. Раскрыты сокращения названий источников. В ряде случаев библиографические ссылки Майкова уточнены. Введенные редактором примечания помечены звездочкой. Текст впервые опубликован в «Записках Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии». Том второй. С.-Петербург, 1869. С.417-580. Дополнение к этому сборнику — там же. С.747-748.

1. Зап. в Шенкурск. у. Арханг. губ.: Харитонов. 1847. С.156. Ср.: Харитонов. 1848. С.148-149. Афанасьев. 1. С.452 (Череповецк. у. Новгородск. г.).

**Кунжан* (*кумган, кунган, кубган, кулган, курган*) — металлический кувшин с ручкой, крышкой и длинным носиком, обычно использовавшийся в качестве умывальника.

**Завор* (*завора*) — околица, ворота в околице.

**Розстань* — перекресток дорог, место за околицей, до которого провожают отправляющихся в дальний путь.

**Сток* — восток (здесь — восточный ветер).

**Сивер* — север (здесь — северный ветер).

**Лето* — юг (здесь — южный ветер).

2. Зап. во Владимирск. г. — архив РГО.